

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ИХ УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

© 2012 г. Михаил Матвеевич Бабаев¹, Юрий Евгеньевич Пудовочкин²

Краткая аннотация: в статье через призму анализа феноменов либерализации и гуманизации рассматриваются процессы реформирования российского уголовного законодательства; доказываемая неадекватность и недопустимость использования терминов “либерализация” и “гуманизация” для характеристики текущих изменений уголовного закона; вскрываются дефекты отечественной уголовной политики.

Annotation: in article through a prism of the analysis of phenomena of liberalization and a humanization processes of reforming of the Russian criminal legislation are considered; inadequacy and inadmissibility of use of terms “liberalization” and “humanization” for the characteristic of current changes of the criminal law are proved; defects of a domestic criminal policy are opened.

Ключевые слова: уголовный кодекс, уголовно-правовая реформа, гуманизация и либерализация уголовного закона, уголовная политика.

Key words: the criminal code, criminally-legal reform, humanization and liberalization of the criminal law, the criminal policy.

В последние годы Уголовный кодекс РФ сильно но лихорадит. Поток и скорость обрушившихся на него изменений, пожалуй, допустимо назвать беспрецедентным. Можно по-разному оценивать любое из них, что, собственно, и делается в научных и иных публикациях, появляющихся после выхода в свет очередного нового закона. Едва ли не каждая подвергнутая модификации статья УК становится объектом анализа и оценок со стороны специалистов. Высказываемые при этом суждения (подчас и весьма противоречивые) в большинстве своем интересны и вполне заслуживают внимания законодателей, правоприменителей и научных работников.

Новый закон ругают многие и хвалят некоторые. Не будем вступать в дискурс, уже состоявшийся и продолжающийся: не уверены, что выйдем за рамки само собой разумеющихся истин и тех мнений, каковые уже высказывались публично. Не хотелось бы свести разговор и к рассуждениям по поводу отдельных нововведений, к выставлению за них оценок законодателю, который, впрочем, плодами неусыпного своего труда в данном случае вряд ли имеет основания гордиться.

Но, отдавая дань безусловно необходимому анализу конкретных аспектов произошедшего ре-

формирования уголовного закона, тем не менее, со всей определенностью подчеркнем значимость и важность обсуждения более общих проблем. Различного рода новаций накопилось уже так много, что давно настало время подумать над тем, каков же в конечном счете тренд этих изменений? Свидетельствуют ли они о реализации целенаправленной и целостной мысли законодателя, действительно озабоченного поиском реальных путей и средств минимизации криминальных угроз? Соответствуют ли изменения, с одной стороны, стратегической линии уголовно-правового противодействия преступности, адекватной сложившейся в стране криминологической ситуации, и, с другой – нормальной логике развития уголовного права? Другими словами, имеет ли свершившееся и еще готовящееся под собой какую-то осмысленную концептуальную идею – предпосылку новой государственной уголовной политики?³

Надо полагать, что вопросы такого рода не просто, а принципиально критически важны. Но вся беда в том, что сегодня это – уже запоздалые вопросы (хотя искать ответы на них все равно необходимо). Законодателю следовало бы ставить

¹ Профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ.

² Профессор, доктор юридических наук.

³ Принимая во внимание ставшее традиционным в отечественной науке употребление термина “уголовная политика” в широком и узком значениях, считаем необходимым уточнить, что в настоящей публикации речь идет преимущественно о политике в ее узком смысле – как политике уголовно-правовой.

и решать их еще до начала или в самом начале законотворческого процесса. Только предварительное, широкое и всестороннее обсуждение (в первую очередь принципиально значимых общих проблем) и учет результатов такого обсуждения могли бы дать надежду на то, что вносимые в УК РФ изменения основаны на четкой концепции, что в государстве реализуется действительно толковая уголовная политика, имеющая продуманную и научно подкрепленную основу.

Однако ситуация развернулась иначе. Процесс пошел традиционным для российского правотворчества путем. В итоге очередной этап модификации уголовного законодательства завершен, и важнейшие изменения, имеющие далеко идущие последствия, стали фактом истории уголовного права и руководством к действию для правоохранительной системы и суда.

Надо сказать, широкое, профессиональное, полноценное обсуждение законопроектов об изменении уголовного закона является у нас скорее исключением, нежели правилом. Если взять для примера один из последних законов, получивший большой общественный резонанс и направленный на расширение сферы судейского усмотрения при назначении наказания за счет исключения нижних пределов санкций, то можно смело утверждать, что при его принятии законодатель не располагал какими бы то ни было прогнозными расчетами, дающими надежду на снижение уровня рецидива при новом порядке выбора наказания, на “облегчение” структуры рецидивной преступности, прекращение криминальных карьер; не было представлено убедительных гарантий защиты от коррупционной ржавчины при реализации этого закона; не доказана потенциальная эффективность этого закона и, соответственно, неэффективность существовавшего ранее порядка.

Профессиональное обсуждение правотворческих решений в области уголовного права становится практически невозможным в условиях, когда продолжительность законодательного процесса стремится к минимуму. Так, важнейший законопроект о совершенствовании государственного управления в области противодействия коррупции, предполагавший установление штрафов в качестве основного наказания в санкциях статей об ответственности за взяточничество, краткое исчисление этих штрафов, введение самостоятельной ответственности за посредничество во взяточничестве и др., был внесен 16 февраля 2011 г. в Государственную Думу, а уже менее чем через три месяца, 6 мая, официально опубликован. Равным образом менее трех меся-

цев потребовалось государству, чтобы внести, рассмотреть, принять, подписать и опубликовать принципиальный закон, устраняющий минимальные границы наказания в виде лишения свободы в санкциях подавляющего числа статей уголовного закона, закон, направленный на создание уголовно-правовой основы противодействия рейдерским захватам, и др.

При таких обстоятельствах вносимые в уголовный закон многочисленные изменения уже не связываются в профессиональном сознании с последовательным воплощением идей адекватной уголовной политики. Скорее всего они отражают утвердившийся, к большому сожалению, в государстве режим управления общественными процессами, при котором в основу принимаемых решений кладутся неизвестные и непонятные даже специалистам субъективные представления отдельных носителей власти или их окружения. Специфическая черта такого управления состоит в том, что его субъект лишен (или лишил себя) возможности видеть весь спектр проблем, стоящих в той или иной области общественной жизни (в нашем случае – в области противодействия преступности); не имеет (или не желает иметь) объективной и достоверной информации обо всех возможных вариантах решения проблемы, об их предпосылках и последствиях, достоинствах и издержках, о том, к чему принятые сегодня решения могут привести завтра. Управление процессами развития уголовного права в таких случаях обходится без всестороннего коллективного обсуждения имеющихся здесь проблем. Оно, как правило, движимо “одной человеческой силой”, одним разумом и одной волей и потому подвержено сиюминутным настроениям, не имеет четко заданного вектора, осуществляется не на системно-плановой основе, а по принципу “стимул – реакция” (“вызов – ответ”). В современных сложнейших (неоднозначных, многовариантных, нелинейных и т.п.) процессах социального бытия подобное управление сферой борьбы с преступностью, как технология глубоко архаичная, является стратегически контрпродуктивным и даже опасным.

Избыточная скорость, как и связанное с нею недопустимое упрощение законотворческих процедур, приводит к тому, что специалистам, в частности научным работникам, поневоле оказавшимся в хвосте событий, приходится ограничиваться только ретроспективным анализом событий. В его рамках преимущественно и “размещается” нижеизложенное.

Итак, каким образом следует оценить то, что происходило с Уголовным кодексом на протяже-

нии последних нескольких лет, включая текущий 2011-й год? В самом общем виде ответ сводится к двум возможным вариантам: *первый* – последовательно и системно меняется тренд уголовной политики, *второй* – нам продемонстрированы нормативные воплощения некоего властного импульса, касающиеся только карательной (наказательной) практики.

Логика и здравый смысл заставляют склониться ко второму варианту. Прежде всего потому, что состоявшиеся решения, как представляется, не имеют под собой убедительных объективных обоснований. Внимательный и вдумчивый анализ криминогенной ситуации в стране свидетельствует об отсутствии здесь сколь бы то ни было существенных поводов для кардинальной корректировки вектора уголовной политики как в одну, так и в другую сторону.

Упорно сохраняющиеся неизменными параметры причинного комплекса преступности, стабильность (а в некоторых случаях и ухудшение) основных структурных характеристик последней, устойчивость соотношения контролируемой и латентной частей, отсутствие прорывных технологий и эффектных результатов в пенитенциарном и постпенитенциарном наказательно-воспитательных процессах, сохраняющееся отсутствие полноценной системы профилактики преступлений и криминологической защиты, нестабильность правоохранительной инфраструктуры (в виде органов правоохраны и нормативной основы их деятельности) – все эти и многие другие обстоятельства, вместе взятые (да и каждое в отдельности), заставляют усомниться в наличии реальных оснований для того, чтобы безусловно оправдать принятые государством уголовно-правовые решения и признать их своевременными.

Отсутствие позитивных сдвигов в характере криминологической и в целом социальной ситуаций не дает права надеяться, что задача борьбы с преступностью настолько упростилась, стала настолько менее значимой, что может быть решена посредством более мягких, чем было предусмотрено ранее, уголовно-правовых мер. Решения законодателя о трансформации уголовного законодательства, облаченные в одежды гуманизации и либерализации, лишены, таким образом, реальных социально-криминологических оснований, а потому нельзя избавиться от ощущения, что они в действительности являются необоснованными и преждевременными.

Единственным аргументом в их пользу могли бы служить победные реликвии официальной статистической отчетности, сообщающие о рекорд-

ном – на 26% (!) – сокращении масштабов преступности за последние пять лет (если в 2005 г. в стране регистрировалось 3554,7 тыс. преступлений, то в 2010 г. – всего 2628,8 тыс.). В 2010 г. по сравнению с 2009 г. преступность сократилась на 12,2%. Причем, сокращение преступности продолжается и в 2011 г.: за четыре месяца текущего года было зарегистрировано 823,8 тыс. преступлений, что на 10,7% меньше, чем в аналогичный период прошлого года.

Но ведь всем давно известно, а на самом высшем уровне недавно подтверждено, что статистика – это обыкновенная ложь (в оригинале – “брехня это зачастую”). Ее лживость становится предельно очевидной, если учесть, что при сохранении существующих ныне отрицательных темпов роста к 2020 г. преступность должна исчезнуть вовсе. Во всем этом не было бы большой беды, если статистика оставалась бы простым набором цифр и не использовалась в качестве базового (а порой и единственного) обоснования важных управленческих решений и в целом реализуемого государством уголовно-политического курса, делая их изначально упречными.

Основанные на лживых статистических предпосылках, уголовно-правовые новеллы в значительной своей части свидетельствуют об исключительно субъективном характере реализуемого в области противодействия преступности курса. На это неприглядно указывает и ряд, прямо скажем, магических совпадений: синхронное статистическое сокращение преступности и численности полиции на 20%; определение 2012 г. в качестве промежуточного этапа достижения важных целей реформы и полиции и уголовно-исполнительной системы, совпадающего с годом президентских выборов; указание на 2020 г. как на срок, в который при сохранении демонстрируемых официальной уголовной статистикой тенденций динамики преступности должна наступить ее ликвидация, как на время завершения процессов реформирования уголовно-исполнительной системы и полиции и год окончания реализации стратегической программы социально-экономического развития страны (“Стратегии – 2020”).

Конечно, в этом совпадении цифр и дат при желании можно увидеть отражение некоего общего плана действий, последовательное и согласованное развитие различных направлений уголовной и социальной политики. Но почему-то вместо этого упорно и с большим сарказмом приходят на ум забытые лозунги о том, что “страна вступила в завершающую стадию построения ...”, а “новое поколение советских людей будет жить при ...”.

Есть еще одна проблема, которая, к сожалению, не стала предметом обсуждения в нашей юридической литературе.

Интерпретируя и оценивая процессы, в течение уже ряда лет происходящие в сфере уголовного законодательства и правоприменения, многие авторы (прежде всего авторы законопроектов) оперируют терминами “либерализация” и “гуманизация”. Их употребляют и порознь, и как синонимы, относя то к закону, то к уголовной политике, то к ним одновременно.

Так, в пояснительной записке к законопроекту, который стал законом, устранившим нижний предел наказания в санкциях ряда статей УК РФ⁴, значилось, что он “направлен на дальнейшую либерализацию уголовного законодательства Российской Федерации”. Однако тогдашний спикер Совета Федерации С. Миронов, характеризуя его, указал, что “законопроект последовательно продолжает гуманизацию уголовного законодательства”⁵. Когда В.С. Овчинский говорит, что гуманизация в трактовке многих специалистов означает либерализацию уголовного законодательства⁶, В.И. Радченко подчеркивает, что “гуманизация уголовного законодательства не должна расцениваться как проявление либерализма”⁷, а В.Ф. Лапшин пишет, что говорить о гуманизации уголовной политики в принципе не верно, так как все шаги, которые законодатель предпринимает в части изменения санкций, декриминализации и т.п., являются проявлением либерализации уголовной политики⁸. Нам представляется, что такое словоупотребление, а самое главное содержательная оценка правовой реальности, основанная на этих понятиях, являются по меньшей мере неточными.

Рассуждая об истоках возникающих здесь ошибок, мы в первую очередь хотим указать на то, что за пределами внимания большинства авторов остается далеко не простая и далеко не бесспорная тема, касающаяся содержания, смысла и соотношения этих понятий. И отсюда – вопрос, который

видится нам принципиальным: действительно ли вообще и если да, то в каких пределах “движущей силой” трансформаций уголовного законодательства и уголовной политики являются идеи либерализации и гуманизации? На нем мы и остановимся подробнее после следующей необходимой оговорки.

Наша полемика по поводу употребления терминов и стоящих за ним понятий “гуманизация” и “либерализация” отнюдь не затрагивает содержания публикаций, в которых дается отрицательная оценка изменений, внесенных в уголовный закон за последнее время. Постараемся и от себя добавить нечто в копилку аргументов критического характера (хотя позиция абсолютного отрицания всего и вся нам не близка). Таким образом, речь не идет о расхождении во мнениях по существу. Наш спор с большинством авторов в данном случае касается проблем понятийной точности анализа, обеспечивающей получение адекватных его результатов, той высокой степени четкости формулировок, которая является *conditio sine qua non* адекватного содержания любого научного текста юриста.

Тезисы, которые в данном случае мы хотим обосновать, состоят в следующем.

Во-первых, новеллы уголовного законодательства 2010–2011 гг. в принципе нельзя (некорректно) соотносить с понятиями “либерализм” (“либерализация”) и “гуманизм” (“гуманизация”), поскольку они воплощают принципиально иную идею.

Во-вторых, оперировать понятиями “либерализм” (“либерализация”) и “гуманизм” (“гуманизация”) допустимо только применительно к уголовной политике и уголовному праву в целом, но не в отдельности к уголовному закону или практике применения и тем более не к статьям уголовного закона и не к уголовному наказанию. Связанные с трансформацией уголовной политики изменения уголовного кодекса и правоприменительной практики должны определяться с помощью другого понятийного ряда и другой терминологии.

Приступая к обоснованию, остановимся прежде всего на содержании самих понятий “либерализация” и “гуманизация” уголовной политики (права, закона). Начнем с их словарного значения.

Либерализация (либерализм) – многомерное понятие, означающее прежде всего отмену или снятие государственных ограничений в той или иной сфере. В ином смысле оно способно иметь

⁴ См.: Федеральный закон “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации” от 7 марта 2011 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

⁵ <http://www.rg.ru/2011/01/12/duma-anons.html>

⁶ См.: Овчинский В. Гуманизация или либерализация? // <http://www.soprotivlenie.org/?id=54&cid=90&t=v>

⁷ См.: Радченко В. Хорошо сидим. Почти четверть мужского населения уже прошла тюремные университеты // Росс. газ. 2008. 2 сент.

⁸ Лапшин В.Ф. Пределы либерализации современной уголовной политики России // Наказание в условиях гуманизации уголовной политики. Сб. материалов межведомств. науч.-практ. семинара (Вологда, 23 апреля 2010 г.). Вологда, 2011. С. 52, 53.

значение снисходительности, излишней терпимости, вредного попустительства⁹.

Очевидна амбивалентность трактовки смысловых вариантов понятия: оно четко наполнено в первом случае позитивным, а во втором – негативным смыслом. Какой из них имеют в виду авторы, критикующие новое законодательство, можно гадать. Пишут о процессе необоснованной либерализации, видимо, в первом смысле данного понятия; если критика касается либерализма как результата нововведений – второе его значение. Но это – наши догадки. Скорее всего оценка ситуации в трактовке большинства пишущих на эту тему включает в себя одновременно оба названных смысла понятия. Можно предположить, что именно на этом “стыке” возникает мысль, по сути безусловно труднооспоримая: неоправданное ослабление карательной силы уголовного закона и уголовного наказания приводит к порочной снисходительности в отношении достаточно опасных преступников.

Либерализм ассоциируется чаще всего с грубыми, неоправданными просчетами в разработке и реализации уголовной политики, сопровождающимися отсутствием внимания государства к существующим угрозам криминологической безопасности, попустительством преступлениям, безразличием и к преступникам, и к их жертвам. Наиболее ярким сторонником подобной оценки процессов либерализации с полным основанием можно признать В.С. Овчинского, который в многочисленных публикациях и общественных выступлениях настойчиво предупреждает об опасности наступления катастрофических последствий либерализации уголовного права в условиях кризиса¹⁰. Не менее категоричен в своих суждениях и И.М. Клейменов, прямо указывающий, что либеральная уголовная политика ориентирована на обеспечение безответственности преступников в “белых воротничках”¹¹.

Однако о либерализме ли в данном случае следует говорить? Если какие-либо законотворческие решения действительно приводят к излишней, неоправданной снисходительности по отношению к некоторой части преступников, то это скорее побочный продукт не вполне качественной управ-

ленческой деятельности, нежели ее целеполагаемый результат (по крайней мере очень хочется верить, что это так). А потому понятие “либерализм” в таком виде неприложимо к уголовной политике. Полагаем, с этим могут согласиться сторонники и смягчения, и ужесточения уголовной репрессии.

Единственно разумным поэтому в нашем случае является обсуждение проблем либерализации с использованием категорий “свобода” и “государственный контроль”. Причем в сфере уголовной политики эти категории, как представляется, могут быть обращены к двум субъектам: гражданам, находящимся под уголовно-правовой юрисдикцией государства, с одной стороны, и правоприменительным органам и суду – с другой.

Этот момент упускается из виду некоторыми специалистами, которые, рассуждая о либерализме уголовной политики, ограничивают сферу его проявления лишь процессами криминализации и указывают, что “уголовный закон должен попустительствовать всем формам поведения, не причиняющим вреда гуманистическим ценностям”¹². Действительно, в одном из важнейших своих значений либерализация уголовной политики означает расширение сфер и объема поведения человека, свободного от уголовно-правового контроля и запретов, что достигается полной декриминализацией деяний, переводом преступлений в разряд нарушений иного вида противоправности, включением в составы преступлений дополнительных признаков, сужающих сферу преступного, введением некоторых дополнительных условий для возбуждения уголовных дел и осуществления преследования и др.

Важно, что это направление либерализации, состоящее в расширении границ свободы человека, одновременно ограничивает свободу и силу государства. Противники либерализации уголовной политики видят в этом негативные следствия, так как слабое государство (т.е. государство, лишённое многих рычагов уголовно-правового контроля), по их мнению, не способно обеспечить надлежащим образом безопасность своих граждан. Это замечание имеет принципиальное значение в преломлении к проблемам предупреждения преступности и уголовной политики, подчеркивая ограниченность государства как субъекта этого предупреждения и его “связанность” правами человека. Но такая “слабость” не препятствует эффективному социальному контролю над пре-

⁹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 326; Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. М., 2002. С. 342.

¹⁰ См.: <http://www.newsru.com/russia/15mar2011/ov4inskii.html>; <http://www.pravo.ru/news/view/11578/>

¹¹ Клейменов И.М. Либеральная уголовная политика и ее криминологические последствия // Росс. криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 283.

¹² Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики. М., 1992. С. 16.

ступностью, а потому не может рассматриваться в качестве дефекта либеральной уголовной политики. Как справедливо указывает Ф. Фукуяма, “отсутствие сильного государства не препятствует возникновению сильного общества”; то, что “теряется” государством, в определенной мере приобретаетса самоорганизующимися институтами гражданского общества, призванными компенсировать его “слабость”¹³. А потому либерализация уголовной политики (в понимании расширения границ уголовно-правовой свободы человека) должна состоять не только в ограничении государственного контроля над поведением, но и в стимулировании, развитии иных форм официального или неофициального социального контроля над отклоняющимся поведением, что немыслимо без развитой инфраструктуры гражданского общества и активизации чувства личной, персональной ответственности.

Свобода человека от неоправданного уголовно-правового контроля государства – важнейший, но не единственный аспект либерализма уголовной политики. В социальном и правовом отношениях не менее важна либерализация, обращенная к субъектам применения уголовно-правовых норм, т.е. к представителям государства, его “агентам”. Она означает увеличение сферы и объемов применения диспозитивного метода уголовно-правового регулирования, дополнение принципа законности уголовного преследования принципом его целесообразности, освобождение суда от контроля со стороны исполнительной власти, без чего недостижима подлинная независимость суда, увеличение масштабов судейского усмотрения и т.д.

Такая либерализация уголовной политики является одновременно и неотъемлемым условием, и свидетельством построения современного, правового, демократического государства. Она есть насущное требование времени, предмет и критерий оценки уголовно-правовых стремлений государственной власти. Но пока о либерализации в этом ее значении, видимо, говорить еще рано. И не только потому, что уголовно-правовые границы свободы правоприменителя все еще нуждаются в оптимизации. Значимая причина состоит в том, что даже в тех случаях, когда либерализация действительно имеет место, цель ее остается до конца не выясненной. В общественном и профессиональном сознании либерализм сегодня понимается исключительно как “свобода от чего-либо”. При всей ценности такого подхода он все же ограничен. В философской литературе давно

отмечено, что требуется различать негативную свободу – “свободу от...” и положительную свободу – “свободу для...”¹⁴. Вопрос же о том, для чего осуществляется либерализация уголовной политики, остается открытым. Представляется, что при всей безусловной ценности свободы снятие ограничений с субъектов уголовно-правовых отношений только ради торжества самой свободы не может служить самоцелью и не оправдывает себя. Требуется некая внешняя цель (идеальный результат), достижению которой наряду с прочими политическими маневрами будет подчинена и либерализация уголовной политики. Такая цель, по всей видимости, у авторов современных уголовно-политических решений отсутствует.

Что касается гуманизации, то она в самом общем понимании означает распространение и утверждение в определенной сфере общественной жизни идей, взглядов и убеждений, проникнутых человечностью и человеколюбием¹⁵. Эта предельно лаконичная формулировка, конечно, не в полной мере раскрывает все нюансы многомерного и многогранного феномена гуманизма, исследованию которого посвящена не одна сотня научных публикаций. В каждой из сфер жизнедеятельности человека и общества – политике, экономике, культуре, религии и т.д. гуманизм (впрочем, как и либерализм) имеет свои содержательные оттенки и своеобразные внешние формы проявления.

В сфере уголовной политики и уголовного права требования гуманизма в точном соответствии со ст. 7 УК РФ совершенно справедливо должны распространяться и на выбор объектов правовой охраны, и на содержание применяемых к нарушителю запретов мер правового воздействия. Законодательные предписания УК РФ в этой части дают основание специалистам выделять несколько направлений, или аспектов, уголовно-правового гуманизма. В.В. Мальцев, например, точно указывает, что гуманизм в широком смысле связан с обеспечением гуманистических устоев общества и государства, защитой прав и свобод человека и гражданина, а в узком смысле – с гуманным отношением к потерпевшему от преступления лицу и преступнику¹⁶. Не побоимся лишний раз повторить ставшие почти банальными утверждения: гуманный уголовная политика должна иметь своим содержанием и

¹⁴ Левицкий С.А. Избр. произведения. М., 2008. С. 200, 400.

¹⁵ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 149; Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. С. 167.

¹⁶ См.: Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. С. 160, 161.

¹³ См.: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 58.

результатом создание надлежащего механизма защиты и потерпевшего, и преступника, и общества в целом – механизма, который был бы основан на принципе обеспечения максимально возможной защищенности объектов правоохраны при минимально допустимом ограничении прав и свобод правонарушителя.

Осуществляемая в соответствии с такими представлениями гуманизация уголовной политики должна предполагать и последовательную криминализацию деяний, причиняющих существенный вред человеку и гуманистическим ценностям общества, и максимально возможное в данных условиях места и времени сокращение уровня репрессивности закона и правоприменительной практики (в пределах представлений общества и государства о справедливой оценке степени общественной опасности преступного деяния).

Между тем в правотворческой деятельности и в научных работах гораздо чаще акцентируется внимание лишь на одной из составляющих гуманизма. Так, А.И. Бойко пишет: “Основной канал реализации современных гуманистических настроений проявляется в уголовном праве, безусловно, в отношении к преступнику. ... Дальнейшая гуманизация уголовного права осуществляется в постепенном облагораживании видов и объема употребляемых в борьбе с преступностью средств”¹⁷. Содержание последних законодательных инициатив в области уголовного права – явное подтверждение этой мысли.

Вместе с тем, такое понимание гуманизации уголовного закона, права и политики не только обедняет содержание гуманизма, но и придает ему не вполне верное направление, закономерно вызывая ассоциации с попустительством преступникам, всепрощенчеством, безразличием к жертвам и обществу. Отсюда становится вполне закономерной ответная негативная реакция на гуманизм уголовной политики в целом. Весьма точно суть этой реакции озвучивает Э.Ф. Побегайло: “Важнейшее требование гуманизма в сфере борьбы с преступностью – оградить человека как высшую социальную ценность от преступных посягательств. Гуманизм должен проявляться прежде всего по отношению к обществу в целом. Человечность, гуманизм есть терпимость к человеческим слабостям и нетерпимость к тяжким, бесчеловечным преступлениям. Поэтому по отношению к опасным преступникам, совершаю-

щим тяжкие криминальные деяния, необходимо применение строгих, суровых мер наказания”¹⁸.

Это тезис, над которым, как минимум, стоит подумать. Представляется, если исходить не просто из буквального, но прежде всего из глубинного смысла понятия “гуманизм”, в такой мысли нетрудно увидеть некую натяжку, что-то искусственное. Нет спора: и разумная криминализация, и справедливо суровые репрессии совершенно необходимы. Но достаточно задать вопрос: неужели (действительно ли) казнь преступника, пожизненное заключение, длительный срок лишения свободы, т.е. все бесчеловечные, связанные с подавлением человеческого в человеке наказания, неужели жестокость к виновному можно рассматривать как проявление человеколюбия к потерпевшему со стороны государства? Полагаем, что в данном случае уместно говорить о справедливости, о воздаянии “по делам его”. Если угодно – о мести. Но гуманизм здесь – неадекватное словоприменение.

Итак, либерализация и гуманизация уголовной политики наполнены весьма специфичным смыслом и содержанием, который может быть понят лишь в случае максимально полного, всестороннего анализа данных феноменов.

При этом принципиально важно обратить внимание, что либерализм¹⁹ (либерализация) или же гуманизм (гуманизация), как и лежащие в их основе принципы, не несут в себе изначально ни знака плюс, ни знака минус. “Плохими”, в частности, их делают искажения, извращения, грубые, неоправданные просчеты при реализации в законе либеральных, гуманистических идей, системные пороки уголовной политики, отсутствие должного внимания государства к существующим криминальным угрозам, попустительство преступлениям, безразличие и к преступникам, и к их жертвам. Вот почему, по нашему мнению, некорректно говорить, например, о том, что ошибкой является либерализация или гуманизация уголовной политики применительно к случаям, когда принимаются скороспелые, криминологически необоснованные законопроекты, которые понижают уровень ответственности преступников вразрез с принципом справедливости, но зато в угоду политически мотивированному

¹⁷ Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. М., 2010. С. 176.

¹⁸ Побегайло Э.Ф. Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Российского конгресса уголовного права / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2011. С. 408.

¹⁹ В данном случае не имеется в виду второе значение термина (неоправданная снисходительность и т.п.).

властному импульсу. В контексте рассуждений об уголовной политике следует обсуждать и критиковать эти искажения, просчеты, системные пороки, наконец, неверное понимание сути феноменов либерализации и гуманизации, но не сами эти явления.

Либерализация и гуманизация уголовной политики – тесно связанные, зачастую пересекающиеся, но не взаимопоглощающие и не равнозначные, а в некоторых отношениях и противоположные друг другу процессы. “Либеральный” уголовный кодекс, содержащий минимальный перечень общественно опасных деяний, не обязательно должен быть “гуманным” в части установления видов, сроков и размеров наказания; в то же время крайне “гуманный” в части сроков и размеров наказания кодекс не обязательно должен быть “либеральным”. Кодекс, не знающий судейского усмотрения, по строгости санкций может быть вполне сопоставим с законом, определяющим для такого усмотрения весьма широкие пределы. Исходя из этого, процессы либерализации и гуманизации уголовной политики не должны рассматриваться как совпадающие или синхронные, а соответствующие понятия не должны употребляться как синонимы. Либерализация и гуманизация здесь – самостоятельные явления, каждое – со своим собственным содержанием и смыслом, следовательно, и со своими собственными предпосылками, проявлениями и социальными последствиями.

Наконец, отметим, что яркие эмблемы либерализации и гуманизации могут крепиться лишь к процессу реализации осмысленной концепции политики борьбы с преступностью, а не к череде нормативных изменений, которые носят спорадический, субъективно управляемый характер и истинную направленность которых выяснить, как правило, чрезвычайно трудно.

В связи с этим есть, на наш взгляд, достаточно оснований считать, что вопреки имеющим очевидную политическую подоплеку официальным декларациям, сопровождающим новеллы законодательства, последние в принципе нельзя (некорректно) соотносить с понятиями “гуманизация” и “либерализация”.

Данный тезис имеет за собой и еще одно весомое, по нашему мнению, доказательство. Законотворческие процессы вовсе не однолинейны. Их векторы фактически разнонаправлены, а результаты (правовые новации) не только не однозначны, но зачастую прямо противоположны.

В частности, трудно признать последовательным проявлением либерализма соседствующую со смягчением наказаний устойчивую практику криминализации все новых деяний. За период действия последнего уголовного закона в его Особенную часть была внесена 31 новая статья, установившая ответственность за ранее некриминализованные деяния, а исключено из кодекса лишь пять статей (в данном случае мы не учитываем многочисленных изменений содержания основных и квалифицирующих признаков иных составов преступлений, влекущих увеличение или уменьшение сферы преступного). При этом самостоятельной криминализации подверглись публичное оправдание терроризма, пособничество в совершении террористического акта, обещание посредничества во взяточничестве (фактически – обещание пособничества), иными словами – деяния, общественная опасность и распространенность которых далеко не очевидна и в целом представляется сомнительной.

На расширение сферы уголовной ответственности направлено и большинство вносимых в Государственную Думу РФ законопроектов об изменении УК РФ. Знакомство с соответствующими документами, размещенными на официальном сайте этого органа в сети Интернет²⁰, свидетельствует о стремлении депутатов установить уголовную ответственность за: изготовление и распространение агитационных материалов, содержащих ложную информацию (законопроект № 531 251-5); недонесение о тяжком или особо тяжком преступлении (законопроект № 529 354-5); оборот и содержание в неволе животных, занесенных в Красную книгу РФ (законопроект № 511 565-5); создание искусственных очередей (законопроект № 509 987-5); использование чрезвычайной ситуации в целях наживы (законопроект № 494 836-5); производство фальсифицированных биологически активных добавок (законопроект № 469 291-5) и др. Не углубляясь в анализ социально-криминологической обоснованности данных предложений, отметим главное – законопроекты, которые бы действительно воплощали идею либерализации уголовной политики, практически нет или их единицы. Основной вектор законодательных инициатив направлен в сторону дальнейшей криминализации все новых деяний. Таким образом, тезис о тотальной либерализации современной уголовной политики России просто не подтверждается фактами.

²⁰ См.: <http://www.duma.gov.ru>

Сказанное справедливо и применительно к тезису о гуманизации уголовной политики. С одной стороны, законодатель почти регулярно (2003, 2004, 2011 гг.) предпринимает усилия по смягчению системы наказаний, санкций, правил реализации уголовной ответственности, в обществе и в государственных структурах идет широкое обсуждение новых законодательных инициатив, связанных с сокращением размеров наказаний. Но в то же время в процессе реформ в уголовном законе России установлен более высокий, чем в последнем УК РСФСР, максимальный предел наказания в виде срочного лишения свободы, в общую лестницу наказаний введены наказания более строгие, чем лишение свободы; пожизненное лишение свободы, служившее исключительно альтернативой смертной казни, стало абсолютно самостоятельным видом уголовного наказания, что расширило сферу его потенциального применения; максимально возможные размеры наказания в виде штрафа за отдельные виды преступлений многократно возросли; у суда появилась уголовно-правовая возможность конфискации преступно нажитого имущества у недобросовестных приобретателей этого имущества, не обсуждая вопросов их причастности к преступлению; перечень отягчающих наказание обстоятельств расширен; значительный ряд преступлений исключен из сферы действия суда присяжных и т.д. Как видим, и здесь смягчение наказания в законе сопровождается не менее активной работой законодателя по ужесточению правил реализации уголовной ответственности.

Итак, необходимо, как данность, признать: сложный процесс реформирования уголовного закона сопровождается многочисленными и часто разнонаправленными по сути своей решениями, состоящими и в смягчении, и в ужесточении закона, и в расширении границ криминализации, и в их сокращении. Это ни в коей мере не служит основанием для упрека и само по себе не является отражением дефектов уголовной политики. Такие процессы, когда они обоснованны, есть объективная реакция законодателя на трансформацию преступности, ее неоднородность, появление новых или снижение уровня прежних криминальных угроз и т.п. Основное требование – чтобы все подобного рода мероприятия были пронизаны одной идеей, подчинены единым принципам, отражали согласованные представления о сути и содержании реализуемой государством уголовной политики.

Однако такая идея не просматривается. Более того, широко декларируемые гуманизация и либе-

рализация в действительности не только не подчинены общей цели и смыслу, но и не обладают для законодателя самостоятельной ценностью, позволяющей возвести их в ранг ведущей идеи современной уголовной политики. Либерализация и гуманизация в своем идейном содержании и по своему уровню, в частности, много выше любых утилитарных целей, а потому не сводимы к уровню средств их достижения и не могут быть им подчинены. Между тем в ситуации, о которой идет речь, без труда просматривается их подчиненность иной, вполне тривиальной, утилитарной цели – сокращению численности “тюремного населения” и разгрузке учреждений уголовно-исполнительной системы. Это обстоятельство служит критически важным аргументом в ходе обсуждения законопроектов.

Так, в процессе подготовки проекта, ставшего сегодня Законом от 7 марта 2011 г., министр юстиции А. Коновалов указывал, что предусматриваемые им меры позволят, “как минимум, на одну треть разгрузить колонии”²¹. А в пояснительной записке к одному из последних законопроектов о внесении изменений в УК РФ, подготовленных в его ведомстве, значится, что реализация заложенных в проекте предложений должна привести к сокращению числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы, на 25–30%.

Таким образом, с учетом сказанного общей идеей трансформации уголовной политики гуманизация и либерализация служить не могут. Требуется иной термин, иное понятие, схватывающее суть происходящих с уголовным законом перемен. Эмоционально и патриотично хотелось бы использовать для этого слова, восходящие к “оптимизации”, “совершенствованию”, “модернизации”. Однако профессиональная совесть призывает ограничиться кратким – “изменение” либо его синонимами.

Но сказанное не означает, что все без исключения изменения уголовного закона ошибочны или вредны. Наука и практика сегодня не располагают достоверными результатами анализа того, в какой части измененные санкции действительно оптимизированы, а в каких случаях мы встречаемся с худшими проявлениями насилия над законом; нет четких прогностических и аналитических суждений о необходимости криминализации новых общественно опасных деяний. Возможно, что ряд реализованных уголовно-правовых новаций действительно оправдан. Но в сложившейся ситуации

²¹ Либерализация Уголовного кодекса // <http://www.smi.ru/text/10/10/22/910231142.html>

любые совпадения законодательных трансформаций с идеальными представлениями об уголовном праве, любой действительно положительный эффект от реализации измененного законодательства, к сожалению, становятся случайными. А это само по себе есть сущностный порок реализации уголовной политики.

Полагая доказанным тезис о неприменимости терминов “либерализм” и “гуманизм” для описания осуществляемой в стране уголовной политики, вернемся ко второй части исходных рассуждений, заключающихся в методологической недопустимости использования этих терминов для характеристики уголовного закона и практики его применения.

Начнем с того, что уголовный закон есть прежде всего документ, письменный акт, основная задача которого состоит в том, чтобы максимально точно отразить те политические и властные установки, которые определяют содержание и основные направления противодействия преступности. И в этом отношении закон сам по себе не может быть ни гуманным, ни либеральным. Как у нормативного текста у него другие цели и критерии оценок, подробный анализ которых служит предметом исследования законодательной техники²².

Не может быть гуманным или либеральным и уголовное наказание. Оно есть государственное принуждение и состоит согласно закону в ограничении или лишении осужденного его прав и свобод. Оттого наказание всегда есть мера карательная. В поставленной Г.Ф. Хохряковым дилемме “уголовное наказание – благо или зло?”²³ выбор должен быть очевидным. Наказание – необходимое и на сегодняшний день неизбежное зло, посредством которого государство пытается (а в наших условиях – еще и стремится) минимизировать или решить проблему преступности. В связи с этим гуманным и либеральным может быть подход государства к использованию наказания, но не наказание само по себе. Обладая достаточной свободой в выборе средств борьбы с преступностью, государство, будучи суверенной силой, может относительно произвольно увеличивать или уменьшать объем применяемого зла;

но это – сфера динамики уголовной политики, а не трансформации наказания. При том, что современные наказания, естественно, отличаются от тех, что фиксировались в законах Средневековья или Нового времени, они все же сущностно остаются именно наказанием. Возможные же объемы его использования в процессе противодействия преступности определяются содержанием социальных условий, характеристикой криминальных угроз, уровнем нравственного сознания населения, – всем тем, что образует факторный фон уголовной политики. Без изменения этих обстоятельств подход государства к использованию наказания объективно не может меняться. В противном случае все законодательные трансформации, связанные со снижением сроков, размеров наказания, изменением содержания заложенных в него правоограничений, выглядят как нечто искусственное, насильственное, неадекватное, в принципе не связанное с уголовной политикой.

Наконец, либерализация и гуманизация как эпитеты не приложимы к характеристике практики применения УК РФ. Практика всегда отражает и в идеале точно соответствует модели противодействия преступности, зафиксированной в уголовном законе, не может и не должна идти вразрез с ней. А потому практика разрешения уголовно-правового конфликта на основе закона может характеризоваться как справедливая, адекватная, объективная, но не более того. Приговор суда (как и само наказание, актом применения которого он является) не должен быть ни гуманным, ни негуманным, ни либеральным, ни консервативным. Приговор может быть только законным и обоснованным. Как только и если правоприменительная практика начинает демонстрировать самостоятельное движение в сторону либерализма и гуманизма, она перестает быть законной, что свидетельствует либо о дефектах самой практики, либо о дефектах уголовного законодательства – в любом случае является сигналом к обсуждению и, возможно, к пересмотру содержания уголовной политики.

Целостная система уголовного законодательства и практика его применения тоже не должны быть ни гуманными, ни репрессивными, ни либеральными и ни жесткими. Наказания не должны быть ни мягкими и ни суровыми. Все они должны строго соответствовать закону, быть справедливыми и подчиненными единой цели – обеспечению безопасности личности, общества и государства от криминальных угроз. Либеральной и гуманной может быть лишь уголовная политика как система идей и принципов, лежащих в осно-

²² См.: *Панько К.К.* Основы законодательной техники в уголовном праве России (Теория и законодательная практика). Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Саратов, 2006; *Семенов Я.И.* Законодательная техника в уголовном праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007; *Иванчин А.В.* Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011; *Ситникова А.И.* Законодательная текстология уголовного права. М., 2011.

²³ *Хохряков Г.Ф.* Уголовное наказание: благо или зло? // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 9.

ве выбора стратегии и тактики противодействия преступности.

Подводя итог нашим рассуждениям, резюмируем следующее:

распространенные в науке термины “либерализация” и “гуманизация уголовного закона” являются свидетельством, по меньшей мере неадекватного словоупотребления, препятствующим качественному обсуждению проблем формирования и применения УК РФ;

“либерализация” и “гуманизация” закона являются недопустимыми понятиями, переводящими рассуждения о борьбе с преступностью на инструментальный уровень технического оформления уголовно-политических решений, что позволяет

трансформировать и интерпретировать закон вне контекста проблем формирования уголовной политики;

“либерализация” и “гуманизация” как термины и понятия применимы лишь для характеристики уголовной политики государства, но они не являются синонимами, обладая самостоятельными и далеко не совпадающими смыслом и значением;

происходящие в последние годы изменения уголовного закона, официально объявляемые проявлением гуманизации и либерализации, в действительности не имеют отношения к этим высоким идеям, выступая свидетельством реализации отдельных несистемных властных импульсов, продиктованных субъективными политико-прагматическими целями.